

УДК 94 (517.3)

Э.О. Хакимова, А.Д. Цыбиктаров

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ МОНГОЛИИ

Рассматриваются междисциплинарные подходы в изучении эпохи бронзы и раннего железа Монголии с использованием методов естественных и гуманитарных наук: палеоантропологии, палеогеографии, физики, химии, этнографии. Показаны роль и значение данных вышеуказанных дисциплин в интерпретацию археологических материалов и реконструкции климатических условий среды обитания, особенностей экономического уклада, хозяйственной деятельности, этнокультурных процессов, религиозных верований племен Монголии в эпоху бронзы и раннего железа.

Ключевые слова: междисциплинарные подходы, методы естественных и гуманитарных наук, интерпретация.

Эпоха бронзы и раннего железа явилась одним из важнейших этапов в древней истории Монголии. Археологические памятники этих периодов – плиточные могилы, херексуры, оленные камни, петроглифы – стали известны науке и начали исследоваться благодаря экспедициям Русского Географического общества, организованным во второй половине XIX – начале XX в. для изучения природы, климата, животного и растительного мира Центральной Азии, истории и культуры ее народов [1–4]. Таким образом, открытие и изучение памятников бронзового и раннего железного веков Монголии происходило в результате исследований в центрально-азиатском регионе, которые носили междисциплинарный характер.

Последующее изучение эпохи бронзы и раннего железа Монголии также шло в русле осуществления междисциплинарных исследований в регионе Центральной Азии в середине 1920-х гг. Они связаны с деятельностью комплексной Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. П.К. Козлова. После открытия археологических памятников центрально-азиатских гуннов в горах Ноин-Улы, в связи с отсутствием у П.К. Козлова профессиональных археологов, в помощь экспедиции были прикомандированы ленинградские археологи Г.И. Боровко и С.А. Теплоухов. Г.И. Боровко в результате раскопок плиточных могил в среднем течении р. Толы в Центральной Монголии впервые дал обоснованную датировку этих памятников скифским временем – VII–V вв. до н.э. [5. С. 63]. Большое внимание исследователь уделил изучению херексуров [Там же. С. 75]. После окончания Второй мировой войны, в 1947–1949 гг. в Монголии работала Советско-монгольская историко-этнографическая экспедиция под руководством С.В. Киселева. Она изучала и памятники бронзового и раннего железного веков Монголии [6. С. 355–372].

С конца 1960-х гг. наступил один из самых интенсивных периодов в изучении древней истории Монголии. Это было связано с организацией в 1969 г. комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ) Академий наук СССР и МНР во главе с академиком А.П. Окладниковым. Она проводила исследования археологических памятников региона с 1969 по 1991 г. Экспедиция носила междисциплинарный характер и состояла из 6 отрядов: трех археологических, антропологического, этнографического и эпиграфического. В них входили десятки советских и монгольских ученых. Экспедиционные маршруты охватили всю территорию Монголии [7]. В результате за сравнительно короткое время был получен значительный объем фактологических материалов, в том числе по эпохам бронзы и раннего железа. В начале 1990-х гг. в связи с распадом СССР, усложнившимися отношениями между Россией и МНР, тяжелым внутривнутриполитическим положением в обеих странах деятельность СМИКЭ прекратилась. Однако тесное сотрудничество российских и монгольских исследователей, начало которому было положено еще в советское время, не было прервано и продолжается в наши дни.

Выше был приведен краткий обзор основных этапов междисциплинарных исследований в изучении бронзового и раннего железного веков Монголии. В дореволюционный период и в годы становления СССР и МНР открытие и исследование памятников этих эпох осуществлялось в процессе изучения природно-географических особенностей страны и культуры монгольских народов. Систематическое и планомерное изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии, начавшееся в конце 1940-х гг. и продолжающееся до сегодняшнего времени, привело к значительному расширению источниковой базы по указанным периодам. В ее изучении важную роль стали

играть междисциплинарные подходы, связанные с использованием методов естественных и ряда гуманитарных наук: палеоантропологии, геологии, географии, химии, биологии, этнографии, лингвистики и т.д.

Одним из направлений в применении естественнонаучных методов в изучении бронзового и раннего железного веков Монголии, предоставлявших важную информацию для их изучения, было палеоантропологическое. В начале 1950-х гг. благодаря результатам палеоантропологических исследований Г.Ф. Дебеца была определена принадлежность населения культуры плиточных могил к монголоидной расе [8. С. 64–65], а благодаря определениям В.П. Алексеева в 1960-х гг. – европеоидность населения западных районов Монголии рассматриваемого времени [9. С. 382].

Заключения антропологов и их корреляция с археологическими материалами позволили В.В. Волкову сделать вывод о том, что в скифское время территория Монголии разделялась на две этнокультурные зоны – западную и восточную. Западная была представлена европеоидами, оставившими херексуры и памятники алтае-тувинского типа, а восточная – монголоидами, представленными в плиточных могилах [10. С. 87].

Позже Н.Н. Мамонова при изучении черепов Улангомского могильника в Западной Монголии по наличию монголоидных особенностей на ряде черепов выявила, что в скифское время здесь начинается смешение этих двух антропологических типов [11. С. 207]. Кроме этого, по повреждениям на костных остатках исследователь определила виды оружия, которым они были нанесены: чеканы, кинжалы, наконечники стрел, топоры [12. С. 117–119]. По состоянию зубов, костей и морфологическим особенностям скелетов Н.Н. Мамонова установила среднюю продолжительность жизни людей в 27–38 лет, причины их гибели [13. С. 135]. Данные сведения имеют большое значение для изучения жизни и быта, военного дела древнего населения Монголии указанных эпох.

Значительное место в работах антропологов занимала проблема происхождения центрально-азиатской расы и связанные с ней вопросы этногенеза монголов, бурят, тувинцев и алтайцев. И.И. Гохман пришел к заключению, что формирование центрально-азиатской расы началось в периоды позднего неолита – ранней бронзы и продолжалось в последующие эпохи, а ведущим фактором этого процесса являлась метисация [14. С. 33]. Его выводы имели большое значение для изучения не только этногенеза современных народов Центральной Азии, но и этнокультурных про-

цессов в бронзовом и раннем железном веках на территории Монголии.

Один из авторов статьи при картографировании территории распространения плиточных могил и херексуров отметил факт наложения ареалов расселения населения обеих культур в конце бронзового и начале раннего железного веков в пределах значительной части Центральной Монголии и Южного Забайкалья. По его мнению, процесс смешения антропологических типов населения культур плиточных могил и херексуров происходил в ходе одновременного продвижения монголоидных групп населения культуры плиточных могил по долине Селенги на запад и европеоидного населения культуры херексуров в обратном направлении на восток в конце II – начале I тыс. до н.э. [15. С. 43–44]. При этом население, оставшееся херексуры, вероятно, недолго оставалось этнически чистым на территории, занятой плиточными могилами [16. С. 137, 142–144].

Таким образом, данные палеоантропологии широко использовались археологами. Они позволили установить физический тип населения страны, проследить направления его этногенетических связей, а также осветить их значение для разработки проблемы этногенеза современных народов Центральной Азии.

В изучении бронзового и раннего железного веков Монголии важную роль играли этнографические материалы, в частности, при интерпретации идейного содержания петроглифов, сюжеты которых зачастую имели параллели в обычаях, традициях, религиозных обрядах современных или средневековых народов Монголии и сопредельных с ней территорий. Этнографические материалы также использовались при разработке вопросов, связанных с религиозными верованиями племен бронзового и раннего железного веков [10. С. 82, 84; 17. С. 81; 18. С. 296].

Значительное место в изучении эпохи бронзы и раннего железа Монголии занимали разработки, связанные с реконструкцией физико-географических, климатических условий среды обитания племен рассматриваемого времени. Для этого использовались данные палеогеографии. Они позволили исследователям проследить изменения в природной среде на протяжении указанных периодов и выявить их влияние на экономику, образ жизни населения разных культур, взаимоотношения между ними, на ход и характер этнокультурных процессов. Вопросы использования данных палеогеографии региона получили отражение в работах А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.В. Волкова, Л.Л. Викторовой, А.Д. Цыбиктарова и др.

А.П. Окладников, А.П. Деревянко и В.В. Волков на основе наблюдений над стратиграфией залегания почв, расположением поселений позднего неолита – ранней бронзы по берегам высохших рек и озер гобийской зоны и восточных районов Монголии сделали ряд важных выводов о климатических условиях региона в эти периоды как более влажных и теплых, чем в последующие периоды [10. С. 88; 19. С. 203–204; 20. С. 151; 21. С. 20]. Природные условия, по мнению археологов, способствовали раннему зарождению в регионе земледелия, о чем свидетельствовали находки каменных зернотерок и пестов на поселениях [10. С. 90; 19. С. 203; 22. С. 89].

Палеогеографические материалы позволили одному из авторов статьи проследить изменения климатических условий на территории Монголии в эпоху бронзы по линии нарастающей аридизации [23. С. 66], что сказалось на изменениях в хозяйственной деятельности населения. Аридизация климата, начавшаяся в конце III тыс. до н.э. и продолжавшаяся до середины II тыс. до н.э., обусловила преобладание скотоводства в хозяйственных занятиях степного населения Центральной Азии и переход к кочевому скотоводству, сопровождавшиеся формированием кочевого уклада жизни [24. С. 86]. Очередная фаза аридизации климата в конце II тыс. до н.э. в совокупности с давлением избытка населения на производительные силы в условиях производящего хозяйства стали причиной крупномасштабных миграций носителей степных культур плиточных могил и херексуров по степям Монголии и Южного Забайкалья на территорию друг друга [Там же. С. 86–87]. Именно эти процессы положили начало этнокультурному взаимодействию групп населения обеих культур, отразившемуся на изменениях в антропологическом типе населения, погребальном обряде населения обеих культур [16. С. 142–144].

Таким образом, использование данных палеографии и реконструкция физико-географических условий Монголии в эпохи бронзы и раннего железа позволили выявить специфику хозяйственной деятельности племен, а также проследить ход этнокультурных процессов, происходивших в эти периоды на территории страны.

В изучении бронзового и раннего железного веков Монголии исследователями применялись и методы химии и физики, в первую очередь радиоуглеродный и радиокарбонный методы датирования. Они дали дополнительную аргументацию для обоснования датировок, полученных сравнительно-типологическим методом. В конце 1970-х и в 1980-х гг. радиоуглеродный метод позволил более

аргументированно обосновать углубление датировки культуры плиточных могил до позднебронзового времени – XIII в. до н.э. [25. С. 13].

Результаты радиоуглеродного датирования также позволили более обоснованно аргументировать нижнюю датировку херексуров до середины II – начала I тыс. до н.э., т.е. к эпохе поздней бронзы – раннескифскому времени [26. С. 131; 27. С. 40].

С середины 1960-х гг. при изучении металлургии бронзового и раннего железного веков Монголии стал использоваться спектральный анализ металлических изделий. Это позволило исследователям сделать вывод о том, что состав бронзы менялся в течение указанных эпох [10. С. 94; 28. С. 145]. Такие изменения в составе металла свидетельствовали, по мнению исследователей, об освоении новых территорий, открытии новых месторождений и изменениях в технике изготовления бронзовых изделий [10. С. 94].

Подводя итоги рассмотрению использования методов различных естественных и гуманитарных наук (палеоантропологии, этнографии, палеогеографии, химии, физики) при изучении бронзового и раннего железного веков Монголии, можно сделать вывод о том, что они начали использоваться с самого начала изучения этих эпох в древней истории страны еще со второй половины XIX в. и практически не прерывались до настоящего времени. В конечном итоге именно междисциплинарные методы исследования позволили решить ряд важных вопросов, стоявших перед археологами. Анализ антропологических материалов показал, что население Монголии в эпоху бронзы и раннего железа было неоднородным по антропологическому типу. С помощью радиоуглеродного и радиокарбонного методов датирования исследователи смогли более надежно аргументировать датировки культуры плиточных могил и херексуров. Выявленные палеогеографами изменения природно-климатических условий в сторону аридизации климата с конца III тыс. до н.э. до скифского времени позволили выявить изменения в хозяйственной деятельности древнего населения Монголии на протяжении бронзового и раннего железного веков, выяснить причины встречных миграций групп населения плиточных могил и культуры херексуров на территорию друг друга. Некоторые особенности религиозных представлений племен, оставивших плиточные могилы и херексуры, были установлены благодаря привлечению к их изучению этнографических данных. В целом же использование междисциплинарных подходов в изучении бронзового и раннего желез-

ного веков Монголии имеет ключевое значение для понимания и интерпретации археологических материалов из памятников этих эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 2. СПб.: Типография Киришбаума, 1881. 272 с.
2. Радлов В.В. Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1892. 14 с.
3. Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. СПб., 1896. 696 с.
4. Обручев В.А. Список древних могил, замеченных на пути из Кяхты в Ургу и Калган // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1895. С. 75–76.
5. Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.
6. Киселев С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. Т. 4, вып. 4. 1947. С. 355–372.
7. URL: <http://www.kronk.narod.ru/library.html>
8. Дебец Г.Ф. Череп человека из плиточной могилы в Херексурын-Ури (Забайкалье) // Записки БМНИИ. 1952. № 16. С. 63–64.
9. Алексеев В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1974. С. 370–390.
10. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
11. Мамонова Н.Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Т. 3. Улаанбаатар, 1979. С. 204–210.
12. Мамонова Н.Н. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // РА. 1997. № 4. С. 108–121.
13. Мамонова Н.Н. Демография Улангомского могильника (саяно-тувинская культура V–III вв. до н.э.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 123–135.
14. Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. Т. 36. Л.: Наука, Ленингр. отд. 1980. С. 5–34.
15. Цыбиктаров А.Д. Этнокультурная ситуация в Южной Бурятии и прилегающих районах Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Бурятия. Проблемы региональной истории и исторического образования. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. С. 38–54.
16. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.
17. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
18. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1989. 383 с.
19. Окладников А.П. Из области духовной культуры неолитических племен долины Керулена: ритуальные захоронения остатков животных // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1978. С. 199–204.
20. Деревянко А.П., Окладников А.П. Древние культуры восточных районов МНР // СА. 1969. № 4. С. 141–156.
21. Окладников А.П., Деревянко А.П. Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. С. 3–20.
22. Окладников А.П. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.) // СЭ. 1962. № 1. С. 83–90.
23. Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 236 с.
24. Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 80–97.
25. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.
26. Цыбиктаров А.Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. Барнаул: Изд-во ИИ-ФиФ и АГУ, 1988. С. 130–132.
27. Цыбиктаров А.Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Чита; Улан-Удэ, 2002. С. 35–49.
28. Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. 2000. № 2. С. 140–148.